

ЮРИДИЧЕСКИЙ МИР

Официальный печатный орган Ассоциации юристов России

Сергей Кабышев:

«Юридическое образование —
это воспитание правовой совести
гражданина на профессиональной основе»

стр. 3

ISSN 1811-1475

9 771811 147772 >

«Юридическое образование — это воспитание правовой совести гражданина на профессиональной основе»

Интервью: Кабышев С.В.

Беседовал: Гриб В.В.

Аннотация. Развитие юридического образования долгое время остается одной из наиболее острых и противоречивых тем для обсуждения в ведомственных, академических и экспертных кругах. Существуют разные подходы к пониманию, в частности, современной модели юриста, формированию ядра юридических дисциплин, соотношению теоретической и прикладной подготовки, роли воспитательной работы. Проводимый пилотный проект, направленный на совершенствование системы высшего образования, выводит дискуссию о перспективах юридического образования в практическую плоскость.

Ключевые слова: юридическое образование, правовая совесть, фундаментальность и практикоориентированность высшего образования, правовой патриотизм.

КАБЫШЕВ С.В. — председатель Комитета Государственной Думы по науке и высшему образованию, заслуженный юрист Российской Федерации

ГРИБ В.В. — ректор Московского университета имени А.С. Грибоедова, заведующий кафедрой конституционного права МГИМО МИД РФ, доктор юридических наук, профессор

Владислав Гриб (В.Г.): Вопросы развития системы высшего образования находятся сейчас в центре внимания. Два года идет пилотный проект по трансформации этой системы, и, вероятно, можно подводить определенные промежуточные итоги. Как бы Вы оценили текущее состояние юридического образования и те проблемы и подходы, связанные с его развитием, которые проявились в ходе пилотного проекта?

Сергей Кабышев (С.К.): Начну с того, что развитие юридического образования — не просто один из приоритетов государства, а вопрос общенациональной безопасности. Неслучайно, юридическое образование — единственное направление профессиональной подготовки, специально выделенное в Конституции России. Напомню, в статье 48 говорится о праве на квалифицированную юридическую помощь, что предполагает создание государством необходимых условий для получения соответствующей квалификации. А статья 119 вводит для замещения должности судьи образовательный ценз в виде наличия высшего юридического образования. Через юридическое образование формируются те, кто определяет отечественный правовой порядок, утверждает, реализует и сохраняет ценности, традиции и установки правовой культуры общества, обеспечивает правовые основы для всех сфер жизни и развития страны. Поэтому оно несет в себе особую, повышенную концентрацию публичных интересов, тесную связь с правовой политикой государства, а от качества подготовки юридических кадров существенным образом зависит состояние конкретных отраслей экономики и социальной сферы. Значение юридического образования не может быть сведено к утилитарному представлению о личной самореализации или отраслевой выгоде, подчинено идее общественного блага, лучшей правовой организации общества. Делаю на этом акцент, поскольку правильное понимание роли юридического образования предполагает предъявление специальных требований, в частности в отношении организаций, осуществляющих юридическое образование, качества образовательных программ и учебных материалов.

В настоящее время юридическое образование находится, я бы сказал, на перепутье, что во многом отражает состояние самого российского права. Мы ушли от преобладавшей в советское время системы подготовки юридических кадров, построенной вокруг нужд и приоритетов государственного аппарата (в широком смысле), к системе рыночно ориентированного юридического образования, в котором частно-коммерческие направления и интересы не просто взяли верх, а были противопоставлены государству. Основная беда не в том, что расширенный спрос на юридическую профессию в 1990-е годы был мотивирован личным обогащением, а в том, что он провоцировался и далее воспроизводился отношением к самому праву как источнику выгоды, некоей исключительно гибкой методологии для обоснования наличия формальных оснований увеличения (удержания) капитала. Сложившийся своеобразный архетип рыночной модели юридического образования насыщался и обрастал идеологемами юридического глобализма и постмодернизма, которые вели к отрицанию собственной ценности отечественной правовой системы и культивированию превосходства западной традиции права. Патриотизм, который в прежнюю эпоху воспитывался, пусть с избытком партийно-бюрократического содержания и рвения, но на основе четкого декларирования интересов Родины, советского народа, был подавлен оголтелым космополитизмом, насаждавшимся пониманием права как культурно-индифферентной системы общечеловеческих ценностей, построенной вокруг так называемого суверенитета личности, а если называть вещи своими именами, то вокруг господства интересов «квалифицированного» потребителя. Академик О.Е. Кутафин, оценивая в то время состояние науки конституционного права, подчеркивал недопустимость очернения и отбрасывания нашего научного прошлого, призывал трезво оценить вклад, в том числе советской юриспруденции, в становление отечественного конституционализма, включая определение предмета конституционного права и понимание развития отдельных институтов (народное представительство, государственное и общественное

устройство и др.)¹. Надо признать, что эта позиция была и в какой-то (правда, существенно меньшей, чем ранее) степени остается сейчас периферийной, если не сказать более определенно.

Дефекты, искажения в науке естественно отражались на методологии юридического образования, в котором получили распространение не столько либеральные, сколько радикальные идеи и течения. В том смысле, что во главу угла ставилось противопоставление с национальным юридическим наследием, целенаправленное разрушение преемственности, копирование «передовых» зарубежных подходов, которые просто по факту своего происхождения числились по разряду лучших, совершенных и при этом воспринимались у нас весьма и весьма поверхностно, формально, в отрыве от их взаимосвязей в сложном правовом и социальном контексте, без глубокого содержательного осмысления, оценки связанных с ними рисков и последствий. Приоритет получила философия юридического прагматизма, и юридическое образование сконцентрировалось вокруг подготовки практикующего юриста как узкого специалиста в конкретной сфере правоприменения², что нарушило естественную, я бы сказал цивилизационную, логику развития нашего юридического образования, соответствующую особенностям, закономерностям национальной правовой культуры и правовой системы.

В частности, получивший у нас распространение так называемый кейсовый метод обучения ориентирован на несвойственную нам прецедентную систему, и его ажиотажное применение наносит вред классической фундаментальной подготовке. Подход, который декан Гарвардской школы права Христофор Колумб Лэнгделл разработал в XIX веке,

имеет свои достоинства, он научил поколения юристов анализировать иски и разрабатывать юридические документы. Но даже в США признали, что для успешной юридической деятельности в XXI веке с его вызовами в биомедицине, генетике, биотехнологиях и тому подобном необходимо сбалансированное использование кейс-метода с расширением метода правовых исследований, анализа правовых доктрин и тематических проблем, лекций, моделирования, клинических и других практик.

Еще один пример — внедрение в учебную юриспруденцию экономического анализа права, который относится к экономическим дисциплинам и создает предпосылки для вытеснения юридической методологии, построенной на представлениях о законности, добре и справедливости. Безусловно, хороший юрист должен уметь комплексно смотреть на право, видеть экономические, социальные, технические и иные предпосылки, условия и последствия формирования и реализации юридических норм и решений. Но принципиально то, что правовое решение не может быть предопределено экономической целесообразностью, учет которой возможен только на базе четкого понимания правового фундамента.

Продолжающийся пилотный проект выявил многообразие подходов по принципиальным вопросам фундаментальности, практичности, скорости и ступенчатости подготовки кадров, определения дисциплинарного ядра юридического образования, налаживания форм влияния работодателей на образовательный процесс. Идет поиск единого знаменателя, чтобы обеспечить разумное сопряжение ценностей единства образовательного пространства с поддержкой академического и университетского разнообразия, включая наши сложившиеся научные юридические школы.

Но главное, сейчас есть общее понимание того, что российская юриспруденция, и учебная в том числе, должна преодолеть то патологическое состояние, которое судья Конституционного Суда РФ А.Н. Кокотов назвал «болезнью самоотречения»³, восстановить

¹ Кутафин О.Е. Современное состояние и перспективы развития науки конституционного права Российской Федерации // Государство и право на рубеже веков : материалы Всероссийской конференции : Конституционное и административное право. М. : ИГиП РАН, 2000. С. 3–6.

² Бондарь Н.С. Российское юридическое образование как конституционная ценность: национальные традиции и космополитические иллюзии. 2-е изд., доп. М. : Юрист, 2014. С. 38.

³ Кокотов А.Н. Конституция России и «болезнь самоотречения» // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 1. С. 11–15.

свою преемственность на базе синтеза классического юридического образования, накопленного опыта и велений времени. Целью является национально ориентированная модель юридического образования, которая бы служила правовому благополучию, сотрудничеству человека, общества и государства.

В.Г.: Могли бы Вы конкретизировать суть этой новой модели?

С.К.: На мой взгляд, суть, квинтэссенция современной национальной модели юридического образования может быть представлена в виде логического квадрата, вершины которого образуют следующие категории. Во-первых, правопознание, то есть системно-целостное юридическое мышление, направленное на понимание смысла, идеи, цели права. Имею в виду, что юридическое образование должно, прежде всего, способствовать уяснению того, что есть право, закономерностям его развития, а не сводиться к изучению той или иной системы нормативных предписаний и правил их применения. Должен превалировать смысловой, а не комментаторский подход.

Во-вторых, правдолюбие, то есть безусловное стремление к правде, добру, справедливости. Юрист не может поступать вопреки этическим принципам, поскольку само право не может давать силу или потакать безнравственности. Особенность российской правовой традиции — понимание неразрывного единства права и правды, социального императива и долга совести. Поэтому одной из наиболее важных задач юридического образования является развитие чувства справедливости, умение находить этически обоснованные правовые решения, в том числе в условиях неопределенности. Юридическая этика — тот предмет, который не может преподаваться формально и который сейчас явно недооценивается в учебной практике.

Следующая, третья, категория, которая определяет суть юридического образования, — это патриотизм, то есть служение в любой юридической ипостаси своему Отечеству. Юридическое образование по своей сути должно быть национальным и патриотическим, обеспечивать подготовку кадров, которые действуют в интересах своей страны.

Правовой патриотизм — важнейшая конституционная идея. В преамбуле Конституции России прямо закреплена такая ценность, как «любовь и уважение к Отечеству», причем в смысловом единстве с «верой в добро и справедливость».

Наконец, в качестве четвертой категории я бы выделил прогрессизм, то есть ориентацию на востребованность современных технологий в праве и одновременно на развитие, инновации в обществе посредством права.

В.Г.: В своей формуле юридического образования Вы на первое место ставите познание права, формирование у юриста определенного типа правопонимания. Это один из вопросов, который сейчас активно дискутируется. Что важнее — фундаментальность, связанная с получением глубоких теоретических познаний, или практическая ориентированность и специальная подготовка с упором на освоение прикладного материала и навыков, специальных дисциплин, непосредственно относящихся к профилю планируемой профессиональной деятельности? Естественно, работодатели стремятся получить «готового специалиста», способного решать конкретные юридические, процессуальные задачи здесь и сейчас, и с опасением относятся к идее наращивания теоретического фундамента, что может создавать идеализированные представления о праве и удлинять срок обучения без явных преимуществ для профессиональной деятельности. Что Вы думаете по этому поводу?

С.К.: По моему глубокому убеждению, противопоставление фундаментальности и практицизма, жизненности, а также специализации юридического образования не только ошибочно, но и вредно.

Принцип «чем больше практики, тем лучше» понятен и, я бы сказал, приятен работодателю, который рассматривает выпускника как экономический ресурс. Но если знание без практического опыта — это абстрактная философия, то опыт без знания — это невежество.

Плодотворная практическая подготовка и отраслевая специализация возможны только лишь на фундаментальном основании, фор-

мирование которого, в свою очередь, не равносильно подготовке юриста-универсала. Не погружаясь в слишком далекое прошлое, напомним, что в 1976 году вышла совместная статья корифеев отечественной юриспруденции С.С. Алексеева и В.Ф. Яковлева, в которой они обосновали оптимальный вариант формирования специалиста — через сочетание подготовки юриста широкого профиля (путем овладения фундаментальными положениями науки о государстве и праве) со специализацией⁴. При этом они резонно разграничивали фундаментальную и универсальную подготовку, считая последнюю ложной и утопической идеей, поскольку модель юриста-универсала ведет к избыточности конкретных и невостребованных знаний, мешающих фундаментальному пониманию права.

В современных реалиях гипердинамизма, специализации права, расширения сферы правового регулирования, формирования сложных межотраслевых нормативных комплексов значение системных, общетеоретических правовых знаний только возрастает. В ситуации сжатия исторического времени общественная практика зачастую опережает право. Правовые нормы либо не успевают сформироваться в ответ на общественные запросы, либо оказываются казуистичными (инцидентными) и нестабильными. Чтобы оперировать правом в этих условиях, юрист должен опираться на его основы (правовые принципы, презумпции, ценности). А это требует правовой обстоятельности и широкого кругозора. Нельзя не учитывать и происходящие процессы цифровизации права, связанной с внедрением информационных технологий и искусственного интеллекта. Цифровизация права требует серьезного внимания к эмоционально-волевой стороне правового регулирования, которая не поддается алгоритмизации, не может быть вписана в формально-математическую схему. Все это характеризует востребованность фундаментальных правовых знаний, обстоятельности и кругозора.

⁴ Алексеев С.С., Яковлев В.Ф. О модели юриста и обучении в юридических вузах // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1976. № 4. С. 73–81.

Важно определиться с таким понятием, как профессионализм юриста, который невозможен как без прочной теоретической базы и сформированной методологии профессионального мышления, так и при отрыве юридического образования от жизни.

Неслучайно в Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию 2024 г. поставлена задача усилить роль фундаментальных дисциплин в системе высшего образования. С сентября этого года Министерство науки и высшего образования Российской Федерации запускает в 50 вузах, в которых созданы Передовые инженерные школы, пилотный проект по повышению зарплат преподавателям фундаментальных дисциплин. Предполагается сокращение учебной нагрузки без снижения уровня заработной платы или установление доплат за преподавание соответствующих дисциплин в привязке к средней зарплате в регионе. Представляется важным двигаться в направлении расширения охвата пилотного проекта, включения в него, в том числе, организаций юридического образования.

Фундаментальные дисциплины определяют формирование мышления и мировоззрения юриста, позволяют понять и воспринять право не только с внешнеформальной стороны — как определенную систему регулятивных конструкций, но и как обусловленную естественным ходом исторического развития нормативную форму организации жизни народа, который, как это закреплено в преамбуле Конституции России, уважает память предков и осознает ответственность перед будущими поколениями.

Необходимо кардинально пересмотреть статус фундаментальных дисциплин в юридическом образовании, включая философию права, теорию государства и права, историю политических и правовых учений, историю государства и права России, конституционное право России. В частности, выработать единые научно-методические подходы к преподаванию данных курсов, в том числе к используемой при их освоении учебной литературе, обеспечить обязательность изучения соответствующих дисциплин по всем специальностям (направлениям подготовки) юридического профиля.

Вряд ли можно считать приемлемой сложившуюся ситуацию, при которой, например, изучение истории государства и права России и конституционного права России не является обязательным в соответствии с ФГОС как на уровне магистратуры по направлению подготовки «юриспруденция» (40.04.01), так и по специальностям «судебная экспертиза» (40.05.03), «судебная и прокурорская деятельность» (40.05.04).

Отдельно хочу отметить важность возвращения обязательного экзамена по теории государства и права в систему государственной итоговой аттестации по юриспруденции. Сейчас такое требование отсутствует, и вузы вправе применять данный экзамен добровольно.

В.Г.: С учетом той роли, которую Вы отводите теоретической составляющей в подготовке юридических кадров, не могу не спросить Вас о том, в какой степени сама наша фундаментальная юриспруденция соответствует учебной и просветительской миссии?

С.К.: Отчасти я уже затронул этот вопрос, но Вы, безусловно, правы в том, что он требует отдельного внимания.

Российская юриспруденция всегда была сильна своей догматикой и одновременно развитым философским, духовно-нравственным началом, стремлением понять право не как рафинированную рациональную идею, а, скорее, как часть этико-религиозного сознания общества. Отбросив советское правовое мировоззрение, мы «выплеснули с водой и ребенка», в плане фундаментальной юридической науки «растерялись», по умолчанию согласились с логикой постмодернизма, который предполагает толерантность и плюрализм истины.

В настоящее время есть основания констатировать концептуально-философскую раздвоенность (своего рода амбивалентность) российской фундаментальной юриспруденции. Это проявляется, с одной стороны, в инерции «мышления ученика», когда как некое откровение и непререкаемое наставление воспринимаются идеи, выработанные на Западе. С другой стороны, отчасти в противовес этой тенденции и в условиях слабой разрабо-

танности в современной науке социокультурных основ российского права имеет место автоматическое, неактуализированное восприятие и воспроизводство правовых подходов, сложившихся в системе советской государственности.

Стоит отметить, что данные тенденции порой носят не глубоко осмысленный, а интуитивно-поверхностный характер, основываются на отрывочных, несистемных, аннотированных знаниях. Между тем эффективная правовая система не может быть построена на заимствованиях чужеродных институтов или же на неадаптированном копировании прошлого, тем более на противоречивых попытках совместить одно с другим.

Российской юриспруденции нужно вырваться из навязанной логики периферийно-догоняющего развития, с опорой на исторические, культурологические, философско-религиозные исследования вырабатывать образ самоценного отечественного права как нормативного выражения российской цивилизации, причем через соответствующее обоснование не только правовой системы, но и отдельных отраслей, институтов права.

Хочу подчеркнуть, речь не идет об отгораживании или самовозвеличивании, отрицании исторических связей и богатого взаимовлияния России и стран, приверженных западной традиции права. Вместе с тем необходимо осознание подлинного значения первородных нерепицированных основ российского права, национального юридического быта и государственности, которые, безусловно, отличаются открытостью, уникальной способностью к усвоению внешнего опыта. Уместно напомнить, что министр народного просвещения С.С. Уваров — автор известной триады «православие, самодержавие, народность» принципиально настаивал на том, что «мы обязаны вглядываться в то, что происходит вне пределов Отечества», но «не для слепого подражания или безрассудной зависти, а для исцеления собственных предрассудков и для узнавания лучшего»⁵.

Важно не только осмыслить собственные правовые традиции как объективное выражение особенностей цивилизационного ти-

⁵ Уваров С.С. Православие. Самодержавие. Народность. М.: Э, 2016. С. 185.

па российской государственности, который складывался через активное взаимодействие с культурами Востока и Запада, но и обеспечить их реалистическое, жизненное восприятие в условиях современного исторического контекста и национальных приоритетов.

В.Г.: Юридическое образование в том его понимании, о котором Вы говорите, носит выраженный мировоззренческий характер. Вы определили его направленность как «правовой патриотизм». Формирование ценностей связано с воспитательной работой и, вероятно, некоторыми средствами контроля. Но нет ли противоречия между целями обучения юриста-профессионала, который руководствуется правовой рациональностью, и воспитанием на базе ценностного подхода, который ориентирован довольно абстрактными и неоднозначно трактуемыми категориями? Не создает ли это риск идеологизации юридического образования, как это было в прежние времена, которые, как мы понимаем, закончились, несмотря на попытки жесткого идеологического контроля, а в каком-то смысле даже благодаря этим попыткам, которые служили фактором раздрожения и отторжения молодежи?

С.К.: Давайте четко зафиксируем следующее. Право не существует вне общественной системы ценностей. Более того, оно само является фундаментальной ценностью, закрепляет и оберегает социальные идеалы в виде определенных, зафиксированных в текстовой форме, и общеобязательных норм, содержащих единый и равный для всех масштаб поведения и оценки. Если отрицать ценностную сторону права, его взаимосвязь с духовно-культурными, нравственными основами общества, — это прямой путь к обезчеловечиванию права, его моральной деградации и подрыву доверия к нему. Нельзя обеспечить режим законности в условиях, когда право вступает в конфликт с нравственными идеалами.

Поэтому вполне естественно, что любой национальный правовой порядок должен выражать цели, идеалы и принципы данного общества, сложившееся в нем понимание смысла социального бытия, включая отношение к власти, свободе, собственности, долгу, т.е.,

иными словами, некую философию социального мировоззрения. Если угодно, можно именовать это идеологией, но в значении выстроенной определенным образом системы убеждений и ценностей, а не навязываемых партийно-государственных установок (что, увы, стало уже клише при использовании термина «идеология»). Ценностно-нейтральный правовой порядок — утопия, прикрывающая попытки подмены национальных идеалов как основы права чужеродными ценностями в интересах внешних сил.

В этой плоскости лежит ответ на Ваш вопрос о мировоззренческой (или идеологической) стороне юридического образования. В основе классического российского образования всегда лежала неразрывная триада «дисциплина, воспитание, обучение», позволяющая сформировать гражданскую и патриотическую идентичность гражданина. В конце прошлого года были уточнены законодательно установленные основные принципы в сфере образования в целях соответствия образования традиционным российским духовно-нравственным ценностям, а также в соответствующей части скорректирован правовой статус педагогов. Это касается всех уровней и направлений образования, но для подготовки юристов имеет особое значение.

Юридическое образование — это, по сути, воспитание правовой совести гражданина на профессиональной основе. Верно замечено, что правосознание невозможно представить в «чистом» виде как только осознание права, вне связи с сознанием моральным, рассматривающим объекты познания и оценки сквозь призму добра и зла, хорошего и плохого, справедливого и несправедливого⁶.

Юрист не может быть противопоставлен своему Отечеству, призван воплощать в своем профессиональном деле нравственно-юридические устои народа. В этом и заключается правовой патриотизм, который нельзя отождествлять с политическим конформизмом и угождением. И это не только вопрос правовой политики, но и вопрос качества юридической деятельности. Потому что нельзя создать эффективный механизм правового регулиро-

⁶ Вопленко Н.Н. Совесть как нравственно-правовой аспект правоприменения // Правовая политика и правовая жизнь. 2015. № 1. С. 26.

вания или предложить обоснованный вариант решения правового спора, не понимая правовой менталитет людей, правовые традиции и стереотипы.

В наиболее концентрированной, обобщенной форме ценностно-нормативные устои нашего общества получили закрепление в Конституции России, которая сама по себе является важнейшим, системообразующим мировоззренческим актом. Запрещая государственную или иную обязательную идеологию, Конституция ни в коей мере не ставит под сомнение объективный статус исторически сложившейся идеологии самого народа, которая и находит воплощение в непререкаемых конституционных ценностях. Основную суть нашей конституционной идеологии я бы определил через идеи свободы как ответственной самореализации для общего блага и суверенной государственности как формы общенародного единства, служащей благополучию каждого.

Почему важно делать особый акцент на мировоззренческих аспектах в юридическом образовании? Ведь может казаться, что освоение ценностей — естественный процесс, сопровождающий правовое обучение, осмысление правовых норм, решений, доктрин. Однако правовые оценки и интерпретации, правовые идеи, связанные с пониманием сути,

закономерностей и перспектив развития права, являются ценностно обусловленными и зависят от определенных мировоззренческих установок. И если этим вопросам не уделяется специальное внимание, то мы можем прийти к ситуации, когда те или иные положения национального права подвергаются субъективной критике и отвергаются на основе ценностных критериев, лежащих вне сферы российского общества и его интересов. Это тем более опасно в современных условиях нарастания гибридных угроз, включая информационно-психологическую агрессию, подтасовки и манипуляции, используемые против нашей страны.

Но хочу еще раз подчеркнуть, что основной, центральной целью воспитания юриста является формирование созидательных правовых установок, связанных с уважением к праву своей страны и его развитию в интересах своего народа. Оборонительный компонент имеет скорее производный характер.

В любом случае речь не идет о казарменных формах дисциплины и мышления по разнарядкам, а о наличии у юриста внутреннего духовно-нравственного стержня, позволяющего принимать самостоятельные оправданные решения, даже в сложных ситуациях, при отсутствии внешнего контроля.

Литература

1. Алексеев С.С. О модели юриста и обучении в юридических вузах / С.С. Алексеев, В.Ф. Яковлев // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1976. № 4. С. 73–81.
2. Бондарь Н.С. Российское юридическое образование как конституционная ценность: национальные традиции и космополитические иллюзии / Н.С. Бондарь. 2-е изд., доп. Москва : Юрист, 2014. 78 с.
3. Вопленко Н.Н. Совесть как нравственно-правовой аспект правоприменения / Н.Н. Вопленко // Правовая политика и правовая жизнь. 2015. № 1. С. 21–30.
4. Кокотов А.Н. Конституция России и «болезнь самоотречения» / А.Н. Кокотов // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 1. С. 11–15.
5. Кутафин О.Е. Современное состояние и перспективы развития науки конституционного права Российской Федерации // Государство и право на рубеже веков : материалы Всероссийской конференции : Конституционное и административное право / ответственный редактор Ю.Л. Шульженко. Москва : Институт государства и права Российской академии наук, 2000. С. 3–6.
6. Уваров С.С. Православие. Самодержавие. Народность / С.С. Уваров. Москва : Э, 2016. 489 с.